

* * *

Ночь воробьи взметнули.
В звездах двор до краев.
Точит мой разум пуля —
Прерванный Гумилев.

Где-то в чужой России
Бродит его душа,
С силою и в бессилье
Ужесточая шаг.

Где-то курок взведенный
Власть комаром скрипит,
Где-то графин бездонный
Бьется о кафель плит.

Полубожок-политик —
Жертва своей возни —
Варит яд-паралитик
И за стихи казнит.

Дождь прошивает спины.
Холод в руках мужчин.
И неземной глубинный
Гул из пустых лощин.

Вытоптали, швырнули
Ветошью мокрой в ил.
Точит мой разум пуля:
Кто-то ее отлил...

Выдох предсмертный лета
Красным оставил свет.
Это ли смерть поэта?
Имя его — ответ.

Мозаика

У бабушки с дедушкой была мозаика. Всего-то красные и синие треугольные
детальки. Я почему-то ее обожала. Приходила в гости — и сразу играть.
Были и другие игрушки, но помню только ее.
Когда нужно было уходить, я говорила: «Можно я заберу мозаику домой?»
А бабушка говорила: «Нет. Пусть будет у нас. А то придешь в другой раз,
а играть не во что».
Я не расстраивалась.
Потому что думала, что всегда будет этот дом, где бабушка с дедушкой и их
мозаика, что я всегда могу туда прийти.

Самолетики

в одной из комнат памяти
в голове
я сижу на твоём окне
и складываю бумажный самолетик.

мы почти дети,
совсем немного взрослые,
но уже захлебнулись друг в друге.
эта затея так увлекает вдруг.

складываем и пускаем их один за другим.
чей дальше улетит?

я открываю глаза:
я — женщина.
у меня есть все, и кроме того,
эти самолетики.

они прилетают ко мне сейчас:

электрической мелодией;
названием книги;
болью в запястье...

а у тебя нет ничего.

ты там
в комнате,
которую я никогда не открываю.

* * *

Оставив здесь такие важные дела,
Свои ключи, пальто и два сервиза,
Ты как-то неожиданно ушла
Под колокольный звон и телевизор.

И пустота отгрызла день и свет.
Не голуби теперь, а птицы-плачи.
Вот дом, казалось бы, но дома нет.
Помолимся и будем жить иначе.

Звоню тебе. И снова — ничего.
Ушла (и путь, конечно, был безлюден),
Чтоб где-то там взять за руку его,
А больше и не нужно никого.
Будь счастлива.
А мы уже не будем.

Рубашки

Когда муж работает много дней подряд
с утра до ночи,
я стираю его рубашки
и развешиваю их на плечиках
по всей комнате.
Сажусь напротив,
И эти мужские силуэты окружают меня.
Я закрываю глаза, и кажется, что он рядом, повсюду.
Или не он, а какие-нибудь другие люди.
Хоть кто-то...

Зернышко

1.

Ты трогаешь мои ресницы.
Такими маленькими пальчиками,
Наверное, очень здорово.
Потом складываешь на меня обе ноги.
Спишь.
Вижу часть отражения в створке шкафа.
Это не двое. Это одно.

2.

Теперь я буду жить дольше.
Мы обманули время и пространство.
Маленькими шажками ты идешь к другому краю площадки.
Я стою.
Теперь я и здесь, и там.
В двух местах сразу.
Объяла двор.
Потому что ты — это я.
Из моего тела.
Из моих клеток.
Из моего сердца.

Жить дольше.
Видеть больше.
Наша магия.

3.

Ты приезжаешь на своей машине.
Прическа «нежность».
Говоришь:
— Мама, не клади куркуму.
Белый рис красивее.
Таким он родился.

Зернышко мое.

Я вижу, какой родилась ты:
Маленьким кулачком держишься за пуповину.
Не разжимаешь.

Держись за нее крепко.
Не отпускай никогда.

* * *

От сидения в комнате ноет и жмет ребро.
Снегопад. У неба вывернуто нутро.
Люди прячутся в землю, в душашее метро —
От стихии к тверди.

И хочу я крикнуть каждому: нет, постой!
Лучше уж в метели стонущей и густой.
В этой жизни, пусть печальной и непростой,
Слишком много смерти.